

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

*Работа представлена кафедрой психологии личности и специальной психологии
Новосибирского государственного педагогического университета.*

*Научный руководитель – доктор психологических наук,
профессор Н. В. Дмитриева*

В статье исследуется содержание кризиса идентичности личности, приводятся результаты экспериментального исследования двух групп испытуемых: обратившихся за психологической помощью в трудных жизненных ситуациях и справляющихся с возникшими трудными ситуациями самостоятельно, предложены критерии диагностики внутреннего конфликта, лежащего в основе формирования кризиса идентичности личности.

Ключевые слова: *кризис идентичности, внутренний конфликт.*

PSYCHOLOGICAL CONTENT OF THE PERSONAL IDENTITY CRISIS

The work reviews the crisis of personal identity. There are two groups of testees: those who ask for psychological help in difficult circumstances and those who solve problems by themselves. The data of the experimental research of the two groups are presented. The criteria of diagnosing the internal conflict that underlies the personal identity crisis are suggested.

Key words: crisis of personal identity, internal conflict.

Понятие идентичности активно разрабатывается в современной психологической науке. Традиционно появление термина «идентичность» в психологии связывают с именем Э. Эриксона, заслуга которого заключается в том, что он первый исследовал идентичность, используя как психоаналитический, так и социологический подход, соответственно придал проблеме идентичности междисциплинарный статус и содержание [1; 2; 3].

В теории Э. Эриксона идентичность рассматривается как процесс «организации жизненного опыта в индивидуальное Я» [2]. Такой подход предполагает динамику или становление идентичности на протяжении всей жизни человека. В этом смысле основной функцией идентичности является адаптация: согласно автору, процесс становления и развития идентичности «оберегает целостность и индивидуальность опыта человека... дает ему возможность предвидеть как внутренние, так и внешние опасности и соразмерять свои возможности с социальными возможностями, предоставляемыми обществом» [2]. Таким образом, понятие идентичности соотносимо для Э. Эриксона прежде всего с понятием постоянного, непрекращающегося развития «Я».

Процесс развития идентичности Э. Эриксон понимает как одновременно интеграцию и дифференциацию различных взаимосвязанных элементов (идентификаций). Всякий раз, когда возникают какие-либо изменения – биологические или социальные – необходимы интегрирующая работа Эго и переструктурирование элементов идентичности, так как разрушение структуры ведет к потере идентичности и связанным с этим негативным

состоянием. Несмотря на то, что развитие «Я» соответствующим образом меняет структуры Эго-идентичности, оно сопровождается чувством непрерывной самотождественности [3].

Рассматривая развитие Я-идентичности в контексте межличностных взаимоотношений, Э. Эриксон считает, что возможность/невозможность приобретения положительной идентичности зависит от отношений со значимыми другими.

В понимании Э. Эриксона развитие идентичности – это результат взаимодействия биологических, социальных и эго-процессов, при котором эго несет ответственность за интеграцию первых двух. Результатом интегративной работы Эго, или Эго-синтеза, является некоторая конфигурация элементов идентичности, которая строится в течение всего детства и обеспечивает переживание чувства идентичности. В эпигенетической диаграмме Э. Эриксон выделяет восемь стадий развития идентичности, каждая из которых характеризуется следующими особенностями: 1) наличие определенного шаблона, связанного с телесным органом; 2) наличие специфических стереотипов поведения; 3) развитие основополагающих компонентов идентичности; 4) наличие специфических кризисов и конфликтов. На каждом этапе жизни новые элементы должны быть интегрированы в общую структуру, а старые и отжившие – реинтегрированы или отброшены. В процессе личностного развития в результате взаимодействия с окружающими людьми у человека возникает определенный баланс внутренних сил и внешних воздействий, обеспечивающий полноценную адаптацию личности в обществе. Такой баланс Э. Эриксон именуется «психосоциальной идентичностью» [2].

Задача построения идентичности никогда не может быть решена окончательно: «Я» не бывает полностью защищено от регрессивных тенденций, как и от событий, их вызывающих: скорби, неудач и ссор. Только после прохождения всех стадий социализации создаются условия для возникновения подлинной персональной идентичности, когда человек расширяет радиус своих взаимодействий в социуме и способен вырабатывать стратегию поведения и творчески относиться к нормам и требованиям социокультурной среды [1].

Для операционализации понятия идентичности Д. Марсиа выдвинул предположение, что данная гипотетическая структура проявляется феноменологически через наблюдаемые паттерны «решения проблем» [5].

В работах А. Ватермана в большей степени акцентируется ценностно-волевой аспект развития идентичности. А. Ватерман считает, что идентичность связана с наличием у человека четкого самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений, которым человек следует в жизни. Цели, ценности и убеждения А. Ватерман называет элементами идентичности. Они формируются в результате выбора среди различных альтернативных вариантов в период кризиса идентичности и являются основанием для определения жизненного направления, смысла жизни [6].

Г. Бриквелл считает личностную идентичность вторичной по отношению к социальной. Во взаимодействии с социальным миром человек активно усваивает понятия, с помощью которых познает себя. Усвоенные им категории социальной идентичности и социальных ролей обеспечивают:

- Формирование содержательной структуры личностной идентичности (набора характеристик, используемых для самоописания).
- Оценку элементов содержательной структуры (моральные и социальные нормы, задаваемые референтной группой) [4].

Таким образом, личностная идентичность является продуктом социальной идентичности, но, будучи сформированной, начинает активно влиять на последнюю.

Нами было проведено исследование идентичности личности с целью диагностики

внутреннего конфликта, лежащего в основе кризиса идентичности у лиц, обратившихся за психологической помощью.

В исследовании приняло участие 106 человек – 42 респондента, обратившихся за психологической помощью, и 64 респондента, справляющихся с возникшими трудными ситуациями самостоятельно, в том числе 62 женщины и 44 мужчины, возраст – от 30 до 39 лет.

Группы были выделены на основе анкетирования. В первую группу были отнесены респонденты, ответившие на вопрос: «Как Вы справлялись с трудными жизненными ситуациями (развод, увольнение, крупные материальные потери и другие)?» – «Обращался за психологической помощью».

Во вторую группу были отнесены респонденты, ответившие на данный вопрос следующим образом: «Справлялся самостоятельно».

Исследование проводилось с помощью следующих тестовых методик:

1. Тест «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСи) В. Урбанович.
2. Тест самоотношения Столина-Пантилеева.
3. Тест самооценки Дембо-Рубинштейна.
4. Тест УСК (определение интернальности\экстернальности личности).
5. Тест С. Бем на определение уровня феминности\маскулинности (гендерная идентичность).
6. Висбаденский личностный опросник (паттерны решения проблем).

Мы предположили, что диагностика наличия внутреннего конфликта может быть проведена по следующим критериям:

1. Показатель самообвинения (тест самоотношения), прямо коррелирующий с показателями по тесту личностной и социальной идентичности (тест ЛиСи).
2. Показатель самооценки (тест Дембо-Рубинштейна), отрицательно коррелирующий с ожидаемым отношением других (тест самоотношения).;
3. Показатель самооценки (тест Дембо-Рубинштейна), отрицательно коррелирующий с самопринятием (тест самоотношения).
4. Показатель «мои отношения с окружающими» (тест ЛиСи), отрицательно коррелиру-

ющий с показателем «ожидаемое отношение других» (тест самоотношения).

Результаты экспериментального исследования были подвергнуты корреляционному анализу, анализу средних значений и сравнительному анализу.

Корреляционный анализ показал наличие прямых корреляционных взаимосвязей между

параметром «самообвинение» и параметрами «мой внутренний мир», «моя семья», «мое материальное обеспечение», а также параметрами «самооценка» и «ожидаемое отношение других» у лиц, обратившихся за психологической помощью, что позволяет утверждать о наличии у опрошенных внутреннего конфликта.

Таблица 1

Результаты сравнения двух групп респондентов, обратившихся за психологической помощью и справляющихся с возникшими трудными ситуациями самостоятельно, по показателям методик WIPPF, С. Дембо–Я. Рубинштейна, УСК, С. Бем, В. Столина–С. Пантелеева (критерий U-Манна–Уитни)

	Город	Село	Mann-Whitney U	Asymp. Sig. (2-tailed)
Контакты	87,85	57,12	651,50	0,03
Доверие	87,72	58,69	672,00	0,04
Сексуальность	89,08	42,31	459,00	0,00
Феминность	89,01	43,12	469,50	0,00
Маскулинность	82,54	121,27	555,50	0,01
Самооценка	82,6	113,77	640,00	0,03
Фактор 3 – Ожидаемое отношение от других	87,27	51,46	578,00	0,01
Фактор 2 – Отношение других	88,6	35,65	372,50	0,00
Шкала общей интернальности	88,07	41,92	454,00	0,00
Шкала интернальности в области достижений	87,1	53,54	605,00	0,02
Шкала интернальности в области неудач	87,87	44,27	484,50	0,00
Шкала интернальности в семейных отношениях	88,18	40,58	436,50	0,00
Шкала интернальности в производственных отношениях	89,35	26,73	256,50	0,00
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	87,02	54,46	617,00	0,02
Моя работа	84,61	58	663,00	0,05
Мое материальное обеспечение	85,48	47,85	531,00	0,01
Мой внутренний мир	86,69	33,81	348,50	0,00
Мое здоровье	86,73	33,35	342,50	0,00
Моя семья	86,61	34,77	361,00	0,00
Мое будущее	84,74	56,54	644,00	0,04
Я и общество, в котором живу	86,42	37	390,00	0,00

В результате сравнения данных по группам респондентов, обратившихся за психологической помощью и справляющихся с трудными ситуациями самостоятельно, обнаружены значимые различия по параметрам, входящим в структуру идентичности личности: контакты, доверие, сексуальность, феминность, маскулинность, самооценка, ожидаемое отношение от других, отношение других, общая интернальность, интернальность в области достижений, интернальность в области неудач, интернальность в семейных отношениях, интернальность в производственных отношениях, интернальность в отношении здоровья и болезни (тест УСК), внутренняя интеграция в сферах «моя работа», «мое материальное обеспечение», «мой внутренний мир», «мое здоровье», «мои семейные отношения», «мое будущее», «я и общество, в котором я живу» (тест ЛиСи). При этом у самостоятельно справляющихся с проблемами респондентов более выраженными оказались следующие параметры: контакты, доверие, сексуальность, феминность, ожидаемое отношение от других, общая интернальность, интернальность в области достижений, интернальность в области неудач, интернальность в семейных и производственных отношениях, интер-

нальность в отношении здоровья и болезни, уровень внутренней интеграции в сфере «моя работа», «мое материальное обеспечение», «мой внутренний мир», «мое здоровье», «мои семейные отношения», «мое будущее», «я и общество, в котором я живу». У респондентов, обратившихся за психологической помощью, более выраженными оказались уровень маскулинности и уровень самооценки. Таким образом, хотя респонденты, обратившиеся за психологической помощью, имеют уровень самооценки и маскулинности выше, чем у самостоятельно справляющихся с проблемами респондентов, у них ниже показатели по уровню внутренней интеграции в сферах «моя работа», «мое материальное обеспечение», «мой внутренний мир», «мое здоровье», «мои семейные отношения», «я и общество, в котором я живу», а также «мое будущее». Кроме того, у обратившихся за психологической помощью респондентов по сравнению с респондентами, самостоятельно решающими свои проблемы, меньшая интернальность в области: достижений, неудач, семейных и производственных отношений, в отношении здоровья и болезни. На основании этих данных можно предположить, что респонденты, обратившиеся за психологической помощью, более

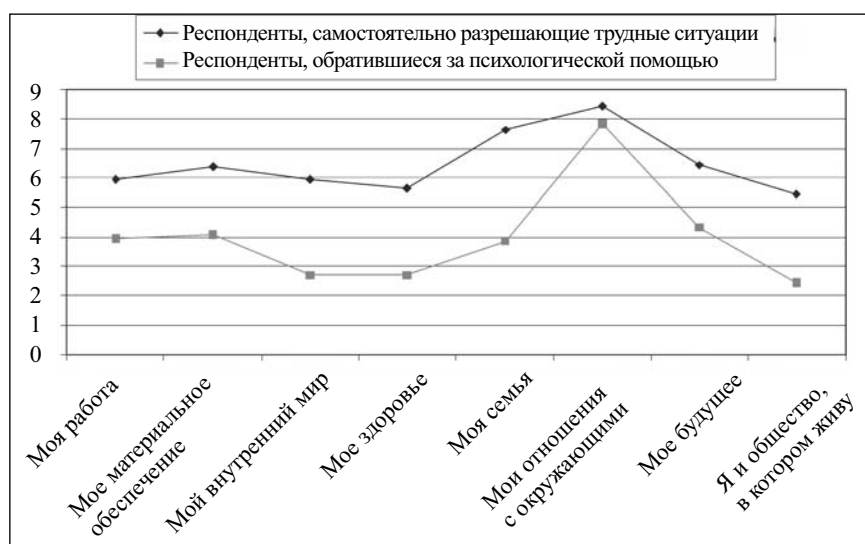

Рис. 1. Диаграмма средних значений по тесту В. Урбанович «личностная и социальная идентичность» для двух групп респондентов (обратившихся за психологической помощью и самостоятельно разрешающих трудные ситуации)

Рис. 2. Диаграмма средних значений по тесту УСК для двух групп респондентов (обратившихся за психологической помощью и разрешающих трудные ситуации самостоятельно)

недовольны своей жизнью, по сравнению с респондентами, самостоятельно решающими свои проблемы, при этом они меньше берут ответственность за качество своей жизни на себя. Учитывая то, что по параметру «ожидаемое отношение от других» у респондентов, обратившихся за психологической помощью, также обнаружены значимые различия с самостоятельно справляющимися с трудными ситуациями респондентами, можно предположить, что они не доверяют другим людям и ожидают от них негативных оценок. Анализ данных по тесту самооценки и тесту WIPPF позволяет предположить, что респонденты, обратившиеся за психологической помощью, высоко себя оценивая, не готовы строить доверительные отношения с окружающими. Этот вывод основывается на наличии значимых различий по параметрам «контакты» и «доверие», так как согласно данным, респонденты, обратившиеся за психологической помощью, являются более подозрительными и недоверчивыми по сравнению с испытуемыми, самостоятельно справляющимися с трудными ситуациями.

Анализ средних значений параметров теста Урбанович «Личностная и социальная идентичность» (рис. 1), показал, что внут-

ренняя дезинтеграция у респондентов, обратившихся за психологической помощью, существенно выше, чем у респондентов, справляющихся с трудными ситуациями самостоятельно. В тесте ЛиСи (В. Урбанович) максимально возможный балл во всех шкалах 12, что соответствует полной внутренней интеграции у тестируемого респондента в данной жизненной сфере, и ноль баллов как показатель полной дезинтеграции и кризиса идентичности в данной сфере. Таким образом, можно отметить, что, по данным теста ЛиСи, обратившиеся за психологической помощью респонденты по 7 шкалам из 8 имеют показатели ниже среднего, и лишь по одной («мои отношения с окружающими») выше среднего (6 баллов). По шкалам: «мой внутренний мир», «мое здоровье» и «я и общество, в котором я живу» можно отметить явно выраженную дезинтеграцию, что может свидетельствовать о наличии у них кризиса идентичности. Для респондентов, самостоятельно разрешающих трудные ситуации, можно констатировать следующее: по всем шкалам показатели у них выше среднего уровня. По двум шкалам, «моя семья» и «мои отношения с окружающими» у респондентов, самостоятельно разрешающих

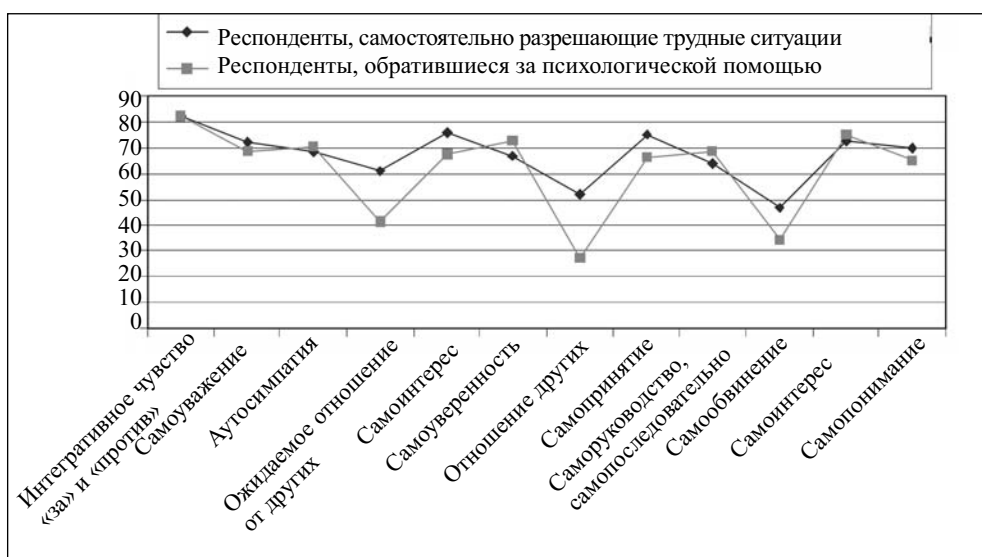

Рис. 3. Диаграмма средних значений по тесту Столина для двух групп респондентов (обратившихся за психологической помощью и разрешающих трудные ситуации самостоятельно)

трудные ситуации, отмечены высокие показатели. Таким образом, на основе анализа средних значений параметров теста «Личностная и социальная идентичность», для двух групп респондентов (лиц, обратившихся за психологической помощью, и лиц, разрешающих трудные ситуации самостоятельно) можно сделать следующий вывод: у респондентов, обратившихся за психологической помощью, можно диагностировать кризис идентичности, а у респондентов обследуемой нами выборки, разрешающих трудные ситуации самостоятельно, кризис идентичности отсутствует.

Данный вывод подтверждает анализ средних значений параметров теста УСК (рис. 2). В тесте УСК максимальное количество баллов по каждой шкале равняется 10. Если респонденты набирают более 5,5 баллов, то это означает, что у них интернальный тип контроля, если менее 5,5 баллов – то экстернальный. Таким образом, респонденты, самостоятельно справляющиеся с трудными ситуациями, имеют интернальный тип контроля по всем шкалам теста УСК, кроме шкалы «интернальность в области производственных отношений», а респонденты, обратившиеся за психологической помощью, имеют экстернальный тип контроля по всем шкалам, кроме шкалы «интернальность в области межличностных

отношений». Таким образом, сравнительный анализ подтверждает ранее сделанный нами вывод о том, что респонденты, обратившиеся за психологической помощью, не берут на себя ответственность за качество собственной жизни. Поскольку респонденты, обратившиеся за психологической помощью, ожидают негативных оценок от окружающих и имеют низкие показатели по параметрам «доверие» и «контакты», но при этом опираются на собственные оценки, можно сделать вывод о негативном восприятии ими окружающих и неумении строить гармоничные межличностные взаимоотношения.

Анализ диаграммы средних значений по тесту В. Столина – С. Пантелеева для двух групп респондентов (рис. 3) подтвердил полученные ранее результаты: респонденты, обратившиеся за психологической помощью, имеют более низкие показатели по шкале «ожидаемое отношение от других», при этом – более низкие показатели по шкале «самообвинение», чем респонденты, разрешающие трудные ситуации самостоятельно, т. е. хорошее отношение к себе у них сопровождается ощущением собственной «непринятости» в социуме, что говорит о наличии не только внутриличностного, но и межличностного конфликта.

Таким образом, анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы:

1. Наличие прямых корреляционных взаимосвязей между самообвинением и параметрами «мой внутренний мир», «моя семья», «мое материальное обеспечение», а также параметрами «самооценка» и «ожидаемое отношение других» позволяет говорить о наличии, у лиц, обратившихся за психологической помощью, как внутриличностного, так и межличностного конфликтов, лежащих в основе кризиса идентичности личности.

2. Респонденты, обратившиеся за психологической помощью, имеют более высокую самооценку, чем респонденты, справляющиеся с трудными ситуациями самостоятельно. У них выше уровень маскулинности и более выражена дезинтеграция в сферах «моя работа», «мое

материальное обеспечение», «мой внутренний мир», «мое здоровье», «мои семейные отношения», «я и общество, в котором я живу», а также «мое будущее».

3. Несмотря на высокую самооценку, респонденты, обратившиеся за психологической помощью, не готовы строить доверительные и гармоничные отношения с окружающими, поскольку воспринимают их негативно.

4. У респондентов, обратившихся за психологической помощью, присутствует дезинтеграция в следующих сферах: работа, материальное обеспечение, состояние внутреннего мира, здоровье, семейные отношения, собственное будущее, общество, в котором проживает человек, и отношениями с ним, что свидетельствует о наличии у них выраженного кризиса идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н.* Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. 472 с.
2. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: ООО «Речь», 2000. 416 с.
3. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предесл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
4. *Breakwell G.M.* Integrating paradigms, methodological implications // Empirical approaches to social representations / eds. G. M. Breakwell, D. V. Canter. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 180–201.
5. *Marcia J. E.* Development and validation of Ego-identity status. *Jornal of Personality and Social Psychology*. 1966. N 3. P. 551–558.
6. *Waterman A. S.* Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and review of research // *Development psychology*. 1982. V. 18. N 3. P. 341–358.

REFERENCES

1. *Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V., Zagoruyko E. N.* Identichnost'. Razvitiye. Perenasyshchennost'. Begstvo: monografiya. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2007. 472 s.
2. *Erikson E.* Detstvo i obshchestvo. SPb.: OOO «Rech'», 2000. 416 s.
3. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis / obshch. red. i predesl. A. V. Tolstykh. M.: Progress, 1996. 344 s.
4. *Breakwell G. M.* Integrating paradigms, methodological implications // Empirical approaches to social representations / eds. G. M. Breakwell, D. V. Canter. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 180–201.
5. *Marcia J. E.* Development and validation of Ego-identity status. *Jornal of Personality and Social Psychology*. 1966. N 3. P. 551–558.
6. *Waterman A. S.* Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and review of research // *Development psychology*. 1982. V. 18. N 3. P. 341–358.